

На правах рукописи

БЕРМАН АНДРЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ

**МИСТИЧЕСКОЕ СЕКТАНТСТВО В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ
В XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВВ.**

Специальность 24.00.01 – теория и история культуры

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

Саранск 2006

Работа выполнена на кафедре средневековой и новой истории Отечества Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Чувашский государственный педагогический университет имени И.Я. Яковлева»

Научный руководитель: доктор исторических наук
Ефимов Лев Архипович

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Заварюхин Николай Васильевич

кандидат исторических наук
Тимофеев Валерий Владимирович

Ведущая организация: *Чувашский государственный институт гуманитарных наук*

Защита состоится «29» ноября 2006 г. в 14 часов на заседании диссертационного совета К 800.015.01 по присуждению ученой степени кандидата исторических наук в Государственном учреждении «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия» по адресу:

430000, г. Саранск, ул. Л. Толстого, д. 3, актовый зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института.

Автореферат разослан «28» сентября 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат педагогических наук доцент

Г.А. Куршева

Г.А. Куршева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. В предыдущие эпохи изучение сектантства как культурно-исторического явления, осуществляемое синодальным православием, революционным народничеством и, наконец, марксистским историческим материализмом, было предельно идеологизировано, что не способствовало объективному исследованию данной темы. Сегодня гуманитарное знание, освобожденное от идеологических догм и обогащенное новыми, междисциплинарными методологическими подходами, позволяет изучать мистические секты как самостоятельное религиозное явление. Кроме того, изучение процессов, происходивших в мистических сектах, возникших на основе православия, позволяет глубже понять современный ход развития православной религии в России, роль которой в российском обществе в последние десятилетия значительно возросла. Региональная история мистического сектантства до сих пор практически не изучена, имеется большое количество источников, которые еще не попадали в поле зрения исследователей, не раскрыты общие корни мистических сект и религиозных движений, остававшихся в рамках официальной православной церкви. Сказанное обуславливает актуальность нашего исследования, посвященного изучению своеобразной разновидности «народной религии» – русских мистических сект хлыстов и скопцов.

Объектом исследования является мистическое сектантство Среднего Поволжья.

Предмет исследования – история становления и развития религиозно-мистических сообществ, известных как секты хлыстов и скопцов, в конкретной ситуации Среднего Поволжья.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1800 г. до 1956 г. Выбор нижней границы исследования обусловлен тем, что первая четверть XIX в. является наиболее благоприятным периодом для русских мистических сект. Общий интерес к мистицизму в правление Александра I способствовал прекращению гонений на религиозных диссидентов со стороны государства, что позволило хлыстам и скопцам завершить формирование своих религиозных сообществ. Верхняя граница исследования определяется значительными переменами в жизни российского общества, обусловленными осуждением на XX съезде КПСС культа личности Сталина, возвращением из мест заключения и реабилитацией репрессированных, в том числе и осужденных во время Великой Отечественной войны сектантов Среднего Поволжья.

Территориальные рамки работы охватывают регион Среднего Поволжья. Под Средним Поволжьем понимается территория, входившая до революции в состав Нижегородской, Симбирской, Казанской и Самарской губерний.

Целью диссертационного исследования является комплексное изучение конкретно-локального бытования мистических сект в Среднем Поволжье.

Для реализации цели необходимо решить следующие задачи:

- выявить на основании анализа архивных источников основные группы мистических сектантов на территории Среднего Поволжья;
- исследовать трансформационные процессы в сектах, связанные с изменением общественной жизни в стране;
- изучить социально-культурные характеристики (возрастной состав, социальный статус, гендерные отношения, образование) в мистических сектах Среднего Поволжья;
- определить взаимоотношения и взаимовлияние мистических сект и религиозности официальной православной Церкви;
- изучить религиозные практики хлыстов и скопцов в Среднем Поволжье.

Степень изученности проблемы. Исследование мистического сектантства можно разделить на три этапа: дореволюционный, советский и современный. Дореволюционная литература о хлыстах и скопцах насчитывает несколько сотен наименований. Исследованиями сектантства обычно занимались православные миссионеры и государственные чиновники, в обязанности которых входила борьба с сектами и расколами. Во второй половине девятнадцатого века сектантами заинтересовались исследователи народнического толка, пытавшиеся найти в религиозных диссидентах опору для борьбы с самодержавием. Первое упоминание о хлыстах имеется в известной книге Димитрия Ростовского «Розыск о раскольнической брынской вере»¹. В 1844 г. вышло первое исследование о мистических сектах². Автором этого исследования был известный русский писатель, составитель «Словаря живого великорусского языка» В.И. Даль. Работа В.И. Даля послужила основой для другого исследователя – Н.И. Надеждина³. Упомянутые работы не предназначались для широкой публики. В русской литературе до конца 50-х гг. XIX имеются только скудные упоминания о хлыстах и скопцах. В 1858-60 гг. в журнале Казанской Духовной Академии «Православный собеседник» был напечатан труд И.М. Добротворского «Сведения о секте как называющихся в русском расколе «Людей Божьих». В 1862 г. в «Отечественных записках» вышла работа А.П. Щапова «Земство и раскол». Автор развивал тезис о том, что раскол и сектантство были оппозиционными движениями против засилья государства и церковных властей. Этот тезис был подхвачен народниками, которые, усматривая в сектантах союзников по борьбе с самодержавием, стали изучать их и искать сближения с ними. В 1860-63 гг. соратником А.И. Герцена и Н.П. Огарева Василием Кельсиевым в Лондоне были опубликованы некоторые документы, касающиеся истории христововерия⁴. В своем исследовании «Умственные направления русского раскола» А. Щапов⁵

¹ *Ростовский, Димитрий*. Розыск о раскольнической брынской вере / Д. Ростовский. – М., 1847.

² *Даль, В.И.* Исследование о скопческой ереси / В.И. Даль. – СПб., 1844.

³ *Надеждин, Н.И.* Исследование о скопческой ереси / Н.И. Надеждин. – СПб., 1845.

⁴ Сборник правительственных сведений о раскольниках. – Лондон, 1860-1862. – Вып. 1-4; Собрание постановлений по части раскола. – Лондон, 1863. – Т. 1-2.

⁵ *Щапов, А.* Умственные направления русского раскола / А. Щапов // Дело. – 1867. – №10. – С.319-348, № 11. – С.138-168, № 12. – С. 170-200.

объяснял происхождение хлыстовщины влиянием славянского и финно-угорского язычества. На протяжении 1860-1900 гг. по истории мистических сект издан ряд работ общего характера, написанных миссионерами или государственными чиновниками. Это работы П. Мельникова¹, Н. Реутского², священника А. Рождественского³. Своеобразным итогом «миссионерского» направления в изучении мистического сектантства явилась работа преподавателя Казанской Духовной Академии К.В. Кутепова⁴. Из специальных исследований следует назвать работу Е. Пеликана⁵, посвященную изучению медицинского аспекта оскотления. Мистическим сектам в высшем обществе в первой половине XIX в. посвящены статьи Н.Ф. Дубровина «Наши мистики – сектанты», печатавшиеся в 1894-96 гг. в журнале «Русская старина»⁶.

В начале XX века в обществе обострился интерес к религиозной жизни. В этот период традиции народников продолжали исследования Алексея Пругавина⁷. Будущий управделами Советского Правительства В. Бонч-Бруевич в 1908-1916 гг. издал многотомные «Материалы к истории русского сектантства и раскола»⁸. Обширные сборники архивных и иных документов были опубликованы миссионером И.Г. Айвазовым⁹. Важной вехой в исследовании хлыстовщины стала магистерская диссертация преподавателя Московской Духовной Академии Д.Г. Коновалова¹⁰.

Советских исследований о «божьих людях» немного, и в них секты рассматриваются как проявление классовой борьбы под религиозной оболочкой. В 1930 г. вышла книга Н.М. Никольского «История русской Церкви»¹¹, в которой вопросам сектантства отведено большое место. Две

¹ Мельников, П.И. Тайные секты / П.И. Мельников // Полн. собр. соч. – СПб., 1909. – Т.6. – С. 251-299; *Он же*. Белые голуби. – Там же. – С. 300-422.

² Реутский, Н. Люди божьи и скопцы / Н. Реутский. – М., 1872; *Он же*. Московские божьи люди во второй половине XVIII и в XIX столетии // Русский вестник. – 1882. Май-июнь. – С.5-82.

³ Рождественский, А. Свящ. Христовщина и скопчество в России / А. Рождественский. – М., 1882.

⁴ Кутепов, К.В. Секта хлыстов и скопцов / К.Кутепов // Православный Собеседник. – 1882: Март. – С.1-32; Апрель. – С.33-80; Май. – С.81-112; Июль-август. – С.113-208; Октябрь. – С.209-256; Ноябрь. – С.257-304; 1883: Январь. – С.305-352; Март. – С.353-416; Апрель. – С. 417-496; Июнь. – С.497-576.

⁵ Пеликан, Е.В. Судебно-медицинские исследования скопчества и исторические сведения о нем / Е.В.Пеликан. – СПб., 1872.

⁶ Дубровин, Н.Ф. Наши мистики – сектанты: Е.Ф. Татаринова и А.П. Дубовицкий // Русская старина. – 1895. – №10. – С.33-64; №11 – С.3-43; №12. – С.51-95. – 1896. – №1. – С.5-51; №2. – С.223-263.

⁷ Пругавин, А.С. Бунт против природы (о хлыстах и хлыстовщине) / А.С. Пругавин. – М., 1917.

⁸ Бонч-Бруевич, В.В. Материалы к истории русского сектантства и раскола / В.В. Бонч-Бруевич. – СПб., 1908. – Пг., 1916. – Вып. 1-7.

⁹ Айвазов, И.Г. Материалы для исследования русских мистических сект / И.Г.Айвазов. – Пг., 1915. – Т. 1-3; *Он же*. Материалы для исследования секты скопцов. – М., 1916-1917. – Т. 1-2.

¹⁰ Коновалов, Д.Г. Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве / Д.Г.Коновалов. – Сергиев Посад, 1908.

¹¹ Никольский, Н.М. История русской церкви / Н.М. Никольский. – М., 1983.

работы, посвященные изучению секты скопцов с позиций тогдашней советской методологии, опубликовал Н.Н.Волков¹. В 1960-70 гг. исследованиями в области сектантства занимался А.И. Клибанов. Им выпущен ряд работ², посвященных истории разного рода еретических движений и сект. Клибанов считался ведущим советским специалистом в области сектантства, однако, приверженность марксистской методологии не позволила ему увидеть в мистических сектах что-то иное, кроме формы социального протеста. В 1970-е гг. часто публиковались научно-популярные книги по борьбе с религиозным сектантством, из которых следует упомянуть книгу И.А. Малаховой «Духовные христиане»³.

Из современных публикаций назовем работы А.М. Эткинды⁴ и М. Бобрик⁵. Своеобразный итог многовековым исследованиям мистического сектантства подводит написанная на высоком научно-методологическом уровне монография⁶ петербургского ученого А.А.Панченко. Автор ставит перед собой задачу изучения устойчивых форм традиционной культуры христовщины и скопчества в широком контексте престопадной религиозной культуры XVII–XX вв. В обширном историографическом очерке автор подробно анализирует все сколько-нибудь значительные труды, посвященные хлыстам и скопцам.

В исследовании К.Т. Сергазиной⁷ на материале XVIII в. реконструируется ритуалистика первых хлыстовских общин, впервые применяется новаторская методика анализа молитвенных текстов христововеров.

Из зарубежных исследований о русском мистическом сектантстве отметим работы американского ученого Ю. Клэя⁸. Используя методы сравнительной антропологии и истории религий, Ю. Клэй рассматривает различные теории происхождения секты хлыстов, анализирует историографию проблемы и на основе этого делает вывод, что секта появилась как одно из

¹ Волков, Н.Н. Секта скопцов / Н.Н.Волков. – Л., 1930. *Он же*. Скопчество и стерилизация. – М. – Л., 1937.

² Клибанов, А.И. История религиозного сектантства в России (60-е годы XIX в. – 1917 г.) / А.И. Клибанов. – М., 1965; *Он же*. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. – М., 1974. *Он же*. Из мира религиозного сектантства. – М., 1974. *Его же*. Религиозное сектантство и современность. – М., 1969.

³ Малахова, И.А. Духовные христиане / И.А. Малахова. – М., 1970.

⁴ Эткинд, А.М. Хлыст (Секты, литература и революция) / А.М. Эткинд. – М., 1998. *Он же* Русские скопцы: Опыт истории // Звезда. – 1995. – № 4. – 131-163.

⁵ Бобрик, М. Иисусов танец в «Деяниях Иоанна» и «радение» в хлыстовстве. (Гипотеза общности происхождения) / М.Бобрик // Ученые записки Российского Православного университета ап. Иоанна Богослова. – 1996. – Вып. 2. – С. 210-232.

⁶ Панченко, А.А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект / А.А.Панченко. – М., 2002.

⁷ Сергазина, К.Т. Хлыстовство как культурно-исторический феномен: автореф. дис. канд. ист. наук. – М., 2005.

⁸ Clay, E. God's People in the Early Eighteenth Century. The Uglich Affair of 1717 // Cahiers du monde Russe et Soviétique. – 1985. – Vol. XXIV (I). – P. 69-24. *Его же*. The Theological Origins of the Christ-Faith (Khristovshchina) // Russian History / Historie Russe. – 1988. – Vol. 15. – No 1. – P. 21-42.

направлений старообрядческого раскола. Кроме того, он исследует влияние на формирование хлыстовщины некоторых ортодоксальных мистических традиций, в частности, исихазма и юродства. Выводы Клэя, особенно касающиеся исихазма, представляются весьма обоснованными и заслуживают серьезного внимания.

Секте скопцов посвятила свою книгу (в русском переводе – «Скопцы и Царство Небесное») американская исследовательница, профессор Йельского университета Л. Энгельштейн.¹

Обобщающих исследований о мистических сектах в региональной историографии (в Среднем Поволжье) не имеется, сведения о хлыстах и скопцах можно почерпнуть лишь из различных церковных периодических изданий. Из работ, посвященных Симбирской губернии, следует назвать статьи Н. Аристов², А.П. Крыжина³ («Опыт исследования скопческой секты в Симбирской губернии»), С. Введенского⁴. Хлыстам Казанской губернии посвящены статьи священников П. Руфимского⁵ и А. Урбанского⁶. Самарских сектантов исследовали М. Гребнев⁷ и священник А. Матюшенский⁸.

Число современных исследований о хлыстах и скопцах в Среднем Поволжье невелико. В работе Л.Ю. Браславского «Старообрядчество и христианское сектантство в Чувашии» ряд глав посвящен мистическому сектантству в Алатырском уезде Симбирской губернии⁹. Концепции «классовой борьбы под религиозной оболочкой» придерживается в своей статье

¹ Энгельштейн, Л. Скопцы и Царство Небесное / Л. Энгельштейн. – М., 2002.

² Аристов, Н. Раскол в Симбирской губернии / Н.Аристов // Православный Собеседник. – 1877. – Ч.1. – С.29-54, 212-225.

³ Крыжин, А.П. Опыт исследования скопческой секты в Симбирской Губернии / А.П.Крыжин // Записки Имп. русского Географического общества. По отделению этнографии. – 1867. – Ч.1. – С.485-527.

⁴ Введенский, С., свящ. Исторический очерк раскола и сектантства в Симбирской губернии / С. Введенский // Симбирские Епархиальные Ведомости. – 1902: № 7. – С. 149-156; № 9. – С. 199-207; №11. – С. 267-274; № 13-14. – С. 325-331; № 16. – С. 377-383; № 18. – С. 433-440; 1903: № 3. – С. 38-44. Он же. О хлыстах сел Крестникова, Сиуча и Ланшевки Симбирского уезда // Там же. – 1903: № 6. – С. 141-148; № 9. – С. 207-217. Он же. Об Ардатовских и в частности о Четвертаковских хлыстах // Там же. – 1904: № 15. – С. 401-406; № 17. – С. 465-470; № 18. – С. 498-504. Он же. О хлыстах села Порецкого Алатырского уезда (О духовных скопцах) // Там же. – 1905: № 13. – С. 301-308; № 14. – С. 339-347; № 15. – С. 373-378.

⁵ Руфимский, П., свящ. Религиозно-нравственное состояние прихожан села Булдыря / П.Руфимский // Известия по Казанской епархии. – 1891: № 2. – С.45-53; № 9. – С.275-278; № 13. – С.404-409; № 18. – С.552-554; № 23. – С.733-736.

⁶ Урбанский, А., свящ. Религиозный быт хлыстов Казанской губернии / А.Урбанский // Там же. – 1903: № 12. – С. 459-488; № 13. – С. 517-547.

⁷ Гребнев, М. Очерки из истории сектантства мистического направления в Самарской епархии в шестидесятых годах / М. Гребнев // Самарские Епархиальные Ведомости. – 1896: № 8. – С. 280-288; № 11. – С. 462-76.

⁸ Матюшенский, А., свящ. секта мормонов (в Самарской епархии) / А. Матюшенский // Миссионерское обозрение. – 1898. – январь. – С. 61-66.

⁹ Браславский, Л.Ю. Старообрядчество и христианское сектантство в Чувашии / Л.Ю.Браславский. – Чебоксары, 1983. – С. 30-39.

и С.А. Мельникова¹. Особого внимания заслуживают работы К.И. Серебренитского², в основе которых лежат материалы его полевых исследований.

Таким образом, историографический анализ свидетельствует, что обозначенная нами проблема, несмотря на актуальность и наличие определенного количества работ, связанных с изучением мистического сектантства, не являлась предметом специального исследования.

Источниковая база исследования. Основными источниками явились архивные материалы дореволюционного периода и советского времени. Основу дореволюционных архивных источников составили материалы судебно-следственных органов (земские, словесные суды, городские магистраты и т.д.) и материалы местных органов управления православной Церкви (духовные консистории, духовные правления). Из архивных источников советского времени использовались документы двух типов: судебно-следственные документы (уголовные дела) органов госбезопасности (ОГПУ – НКВД – НКГБ) и прокуратуры (надзорное производство), а также отчеты уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР по ЧАССР.

В процессе работы над темой использовались архивные фонды Государственного исторического архива Чувашской Республики (ГИА ЧР): Алатырского уездного суда (Ф. 88), Алатырского городского магистрата (Ф. 92), Алатырского словесного суда (Ф. 96), Алатырского уездного казначейства (ревизские сказки) (Ф. 143), Алатарской удельной конторы (Ф. 193), Народного комиссариата внутренних дел ЧАССР (Ф. 784), Прокуратуры ЧАССР (Ф. 1458), Уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР по ЧАССР (Ф. 1857), Комитета государственной безопасности ЧАССР (Ф. 2669); Государственного архива Ульяновской области (ГАУО): фонды Канцелярии Симбирского губернатора (Ф. 76), Симбирского губернского правления (Ф. 88), Симбирской духовной консистории (Ф. 134); Национального архива Республики Татарстан (НАРТ): Канцелярии казанского губернатора (Ф.1); Центрального архива Нижегородской области (ЦАНО): фонды Нижегородской палаты уголовного суда (Ф. 176), Нижегородской духовной консистории (Ф. 570).

В качестве методологической основы исследования применен междисциплинарный исследовательский подход, который позволяет сочетать в работе исторический, религиоведческий и культурологический материал. В

¹ Мельникова С.А. На иллюзиях свободы не построить... (из истории массового сознания крестьян Симбирской губернии) / С.А. Мельникова // Художественная культура Поволжья. Материалы I Поливановских чтений, 24 – 25 апреля 2001 года. – Ульяновск, 2002. – С. 4-10.

² Серебренитский, К. Дубово-Уметское царство. Потайное учение хлыстовского направления в Самарской области // Этнос и культура. – 1996. – № 3; 1997. – № 1-3 (цит. по интернет-версии: <http://samara.friends-partners.ru/infcent/etnos/1-1997/etnologij/ister-relig-mifologij/dubumetza/index.html>). Его же. Тилебухи. Современное хлыстовское учение, распространенное среди православной мордвы-эрзи на востоке Самарской области // Этнос и культура. – 1997. – № 2-3 (цит. по интернет-версии: <http://samara.friends-partners.ru/infcent/etnos/2-3-1997/etnologij/ister-relig-mifologij/tilebyhi/index.html>).

работе используются методы исторического исследования (историко-сравнительный, историко-генетический и историко-функциональный), феноменологический метод религиоведения, синхронный и диахронный методы культурологии.

Научная новизна определяется тем, что впервые проведено комплексное изучение мистического сектантства на территории Среднего Поволжья на основе анализа большого количества источников в широких хронологических рамках. Исследованы такие аспекты культуры сектантских сообществ, как гендерные отношения и культовое использование священных изображений. Установлено взаимодействие мистических сект и околмонашеских старческих движений, известных в Среднем Поволжье как беседничество. Впервые введен в научный оборот ряд архивных материалов, в том числе из закрытых ранее фондов советских органов госбезопасности, что позволило наиболее полно реконструировать историю и культуру мистического сектантства.

Теоретическая значимость работы состоит в использовании концептов «религиозность» и «религиозный фонд» для изучения генезиса русского сектантства и его взаимодействия с православной религией, что способствовало исследованию русского мистического сектантства как культурно-исторического явления, выявлению глубинных связей религиозной практики мистических сект и православной среды, постижению мистического сектантства во взаимосвязи с аналогичными движениями.

Практическая значимость исследования заключается во введении в научный оборот значительного количества неопубликованных источников по истории мистических сект в Среднем Поволжье. Результаты диссертационного исследования могут быть использованы в разработке лекционных курсов по истории религии в России, истории религиозных движений в регионах Среднего Поволжья, в региональных и общероссийских исследованиях, в создании музейных экспозиций.

Основные положения, выносимые на защиту:

- мистическое сектантство на протяжении XIX – первой половины XX вв. было широко распространено в Среднем Поволжье и являлось важной составляющей многоконфессиональности региона;
- конфессионализация хлыстовских общин в Среднем Поволжье происходит в конце XIX – начале XX вв. в результате издания Манифеста о веротерпимости и отказа от традиционного для мистических сект запрета на брачные отношения;
- несмотря на формальную принадлежность к крестьянству, значительная часть членов сектантских общин на протяжении XIX века была слабо связана с сельскохозяйственным производством;
- отказ от запрета на брак в начале XX века приводит к появлению традиционной семьи, стимулирует хозяйственную активность и социализацию сектантов-хлыстов;
- мистические секты и старческие движения в рамках официального православия представляют собой единый «религиозный фонд» (термин

Л.П. Карсавина), поэтому культуру мистических сект необходимо рассматривать в контексте православной монашеской культуры;

- религиозные практики мистических сект являются своеобразным развитием мистической и культовой практики православия.

Апробация работы. Основные положения диссертации докладывались на международных научных конференциях «Человек верующий в культуре Древней Руси» (г. Санкт-Петербург, 2005) и «Цивилизация народов Поволжья. Проблемы истории и геополитики» (Чебоксары, 2006), а также на заседаниях кафедры средневековой и новой истории Отечества Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. Результаты исследования изложены в 11 публикациях.

Структура работы обусловлена целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении определяются объект и предмет исследования, хронологические и территориальные рамки, ставится цель и задачи работы, анализируется степень разработанности проблемы, дается характеристика источниковой базы исследования, определяется методологическая основа, научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы.

Первая глава «Мистическое сектантство в Среднем Поволжье в первой половине XIX в.» посвящена происхождению мистического сектантства в России, появлению мистических сект в Среднем Поволжье и истории сектантских общин в регионе в первой половине XIX в.

В настоящее время вопрос о происхождении русских мистических сект остается открытым. И. Добротворский, Н. Реутский, С. Зеньковский считали появление хлыстовщины следствием распространения на русской почве западноевропейских еретических учений. Очевидно, что некоторое сходство имеет здесь чисто типологический характер.

А.П. Шапов исходил из концепции двоеверия, которое понимал как механическое смешение русских и финских языческих верований с христианством. Однако современная наука от концепции двоеверия, как от искажающей фактическую сторону дела, отказалась. Известный русский психиатр П.И. Якобий обратил внимание на то, что хлыстовщина распространена или в тех местах, где русские соседствуют с финскими народами, или там, где финны были ассимилированы русскими. Не исключая того, что в отдельных случаях верования финно-угорских народностей могли воздействовать на религиозную практику хлыстов, по нашему мнению, имеет смысл говорить скорее об обратном влиянии русского христианства на финские этносы.

Современные исследователи (А. Панченко, Ю. Клэй) отмечают, что характерной особенностью ранней хлыстовщины является ее связь с монастырями и монашеской практикой «Иисусовой молитвы». В основе учения всех мистических сект лежит представление о возможности для человека стать

вместилищем божества. Источник подобных воззрений следует искать в православном учении об обожении. В Евангелии от Матфея (Мф.5,48) Христос говорит: «Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш небесный». Учение об обожении всегда считалось в православной Церкви венцом всего богословия. Особенно подробно путь к такому совершенству разрабатывался в аскетической литературе и получил название исихазма. Именно среди монахов-аскетов время от времени возникали учения о том, что достигнувший совершенства и сделавшийся вместилищем Святого Духа человек уже не в состоянии грешить.

Подобные представления были характерны для представителей еретического движения IV в – мессалиан. С XII в. в Византии с мессалианством связывают дуалистическую ересь богомилов. Современные исследования позволяют по-новому осмыслить то содержание, которое вкладывали в понятие «богомилство» и «мессалианство» в XII – XV вв. в Византии, Болгарии и на Руси. По мнению М. Лося (Milan Loos), этим наименованием обозначали не только дуалистические ереси, но специфически монашеские отклонения от ортодоксии, проповедующие крайние методы аскетизма и презрение к материальному миру, характерной особенностью которых было непрестанное повторение «Иисусовой молитвы». Таким образом, сама постановка вопроса об исихастском происхождении хлыстовщины заставляет исследователя заново осмыслить гипотезу о богомильских корнях этого движения, выдвинутую еще П.И. Мельниковым-Печерским.

Через афонских монахов практика «умной молитвы» попала на Русь, где особенным поклонником «умного делания» был преподобный Нил Сорский. Последователи Нила Сорского сосредоточились в основном в заволжских лесах, там же проходила деятельность и старца Капитона, с которым связывается происхождение хлыстовщины. В костромском Заволжье хлыстовская традиция локализует и деятельность легендарного основателя хлыстовщины Даниила Филипповича. Можно предположить, что ранняя хлыстовщина могла представлять собой выродившуюся в течение полутора столетий духовную традицию «заволжских старцев».

Во второй половине XVII в. хлыстовщина появляется в Среднем Поволжье. В 1670-х гг. последователи христововерия фиксируются в нижегородских селах Лысково, Работки, Павлов Перевоз. В самом Нижнем Новгороде жил один из руководителей секты Прокопий Лупкин. Не позднее 1730-х гг. хлыстовщина появилась в Алатырском уезде. Центрами хлыстовского движения стали монастырские села, связанные с подмосковной Троице-Сергиевой лаврой, откуда, вероятно, хлыстовщина и проникла в Алатырский уезд. В XVIII в. секта появляется и в селах Сызранского уезда, куда ее занесли переселенцы из тамбовской губернии.

В первой половине XIX в. центром распространения хлыстовщины в Среднем Поволжье стала Симбирская губерния. Большинство сектантских общин принадлежало к «данило-филипповскому» направлению мистического сектантства. В 80-х годах XVIII в. после гонений, чинимых в 1745–1757 гг., это направление хлыстовщины стало возрождаться в Москве. 15 июня 1837 г.

московские хлысты были с поличным задержаны во время радения в доме мещанки Борисовой. В числе обвиняемых был Кузьма Волосников, который, покайся, раскрыл все известные ему тайны вероучения и обрядов «людей божьих». Всего по доносам Волосникова к следствию было привлечено 48 человек, большинство составляли пожилые люди, не состоящие в браке.

Дело о христововерах вновь возникло в конце 1853 г. по инициативе симбирского архиерея Феодотия (Озеркова). Всего по обвинению в принадлежности к хлыстовщине было привлечено к следствию 27 человек. В результате расследования так и не удалось собрать необходимые улики для наказания подозреваемых.

Таким образом, в Среднем Поволжье в первой половине XIX в. «божьи люди» были широко распространены и представляли собой ряд общин – «кораблей», возглавляемых местными «пророками». Несмотря на некоторое преобладание удельных крестьян, по сравнению с крепостными, этот фактор, по нашему мнению, не имел существенного значения. Основу «кораблей» составляли люди, не состоявшие в браке, имеющие родственные связи с руководителями общин. Важную роль в жизни хлыстовских «кораблей» играли женщины, занимавшие порой руководящее положение. Занятие торговлей некоторых сектантов позволяло поддерживать связи с единоверцами в других регионах России. Систематические преследования, начатые правительством по отношению к религиозным диссидентам со второй четверти XIX в., не привели к ослаблению позиций хлыстовщины в Алатырском уезде. В 1850-х годах наблюдается тенденция к снижению возраста сектантов, что свидетельствует об успешном прозелитизме.

Русское скопчество, возникнув в конце 60-х годов XVIII в., широко распространилось в первой половине следующего столетия. Одну из крупнейших общин-«кораблей» возглавляли алатырские купцы Милютинские. Впервые «милютина вера» была обнаружена в 1806 году. Центр секты был в доме купца Милютинского в г. Алатыре.

Дела об оскотлении возникали в 1816, 1818, 1841 гг. В 1852 году слушалось дело о скопцах сел: Ичиксы, Кладбищи и Порецкое. В ходе расследования выяснилось, что все эти крестьяне были связаны с алатырским «кораблем». К делу привлекли отставного унтер-офицера Кириллу Миронова, оскотленного еще во время службы в 1807 году и оставленного по решению корпусного командира без наказания. В подозрении оказалась и купчиха Наталья Семенова Милютинская. Все крестьяне были сосланы в Закавказье, а Миронова и Милютинскую оставили под надзором полиции.

Важнейшей составляющей религиозной жизни скопцов была предпринимательская деятельность. Материальный достаток скопцов был значимым аргументом в миссионерской деятельности, в какой-то мере помогал обеспечивать воспроизводство секты.

Влияние Милютинского «корабля» охватывало значительную территорию и простиралось до Оренбургской губернии. Однако в результате систематических преследований алатырская скопческая община потеряла свое значение.

Вторая глава «Мистические секты в Среднем Поволжье во второй половине XIX – XX вв.» посвящена истории мистического сектантства в Среднем Поволжье во второй половине XIX – первой половине XX вв.

Вторая половина XIX в. стала временем больших перемен в жизни мистического сектантства. Некоторые общины, игравшие значительную роль в предыдущий период, приходили в упадок, появлялись новые. Большой общественный резонанс получила деятельность общины яркого сектантского лидера Петра Мельникова, оказавшего влияние на последующее развитие хлыстовщины в регионе. Община Петра Мельникова является типичной для позднего христоверия, в которой соединяются различные сектантские традиции.

В христоверии конца XIX в. имело место смешение локальных сектантских традиций, о чем свидетельствует употребление в новых общинах скопческого фольклора. Наблюдается некоторый упадок хлыстовщины, восходящей к костромской традиции «данило-филипповцев». В отдельных новых «кораблях» появились религиозные практики сексуального характера, чего в ранней хлыстовщине, по всей вероятности, не было. К началу XX в. лидирующее положение заняли «духовные христиане-молокане» – хлыстовские общины эклектического характера. Благодаря объявленной в 1905 г. веротерпимости, этим «кораблям» удалось добиться некоторой легализации своей веры и более успешно вести проповедь. Именно этим хлыстам было суждено сохраниться на протяжении всего XX в.

Октябрьская революция провозгласила свободу совести и отделение церкви от государства. На начальном этапе существования советской власти сектанты рассматривались как ее попутчики, с учетом того факта, что в свое время они испытывали постоянные гонения от царизма и синодальной церкви. Многие сектантские общины, такие как баптисты, молокане, духоборы, «Новый Израиль» приняли Октябрьскую революцию и встали на путь активной поддержки новой власти.

В послеоктябрьский период одним из главных центров мистического сектантства в Среднем Поволжье продолжал оставаться г. Алатырь. До 1927 г. секту возглавлял Егор Иванович Малкин, проходивший по делу о четвертаковских хлыстах, к началу XX в. вернувшийся из закавказской ссылки и ставший лидером «духовных христиан» в Алатырском уезде. После смерти Егора Малкина секту возглавил его сын, Андрей Малкин. А. Малкин принимал живое участие в общественной жизни Алатыря в первые послереволюционные годы. В 1917–18 гг. он был членом Алатырского Совета рабочих и крестьянских депутатов. В июле 1918 г. Андрей Малкин был одним из руководителей эсеровского вооруженного выступления против коммунистов в Алатыре. В январе 1932 г. при обыске в доме Андрея Малкина был обнаружен тайник с оружием и боеприпасами. Решением «особой тройки» при ОГПУ Нижегородского края А.Е. Малкин был приговорен к пяти годам заключения в концентрационном лагере. Дальнейшая его судьба неизвестна.

После ареста Малкина секту возглавил Павел Петрович Юфин, приехавший в Алатырь из пос. Киря, а после его отъезда из Алатыря в 1940 г.

сектанты признали своими лидерами потомственных христововеров, уроженцев с. Мишуково Михаила Павловича Юфина и Ивана Павловича Зубкова.

По словам А.И. Клибанова¹, хлысты «в свое время под разными предложениями уклонялись от вступления в колхозы». Негативно восприняли коллективизацию и алатырские хлысты. В период «ликвидации кулачества как класса» увеличился приток в секту бывших кулаков, что привело к антисоветскому настрою общины. На протяжении 30-х–40-х гг. XX века хлыстовская община в Алатыре стояла на антисоветских позициях. Секта состояла в основном из потомственных хлыстов, хотя были также сектанты, принявшие веру в советское время. В социальном плане основу общины составляли бывшие торговцы и кулаки. Численность секты в 1940–44 гг. составляла около 60 человек.

С началом Великой Отечественной войны деятельность секты активизировалась. Лидеры хлыстов стали систематически агитировать за поражение Советского Союза в войне, призывали уклоняться от эвакуации в случае приближения немецких войск, восхваляли германскую нацию, проводили агитацию против колхозного строя, подвергали сомнению сводки Совинформбюро. В 1945 г. органы госбезопасности привлекли к ответственности 10 человек. К разным срокам заключения были приговорены сектантские лидеры Юфин, Зубков, Филиппов, Цаплин, Макаров.

Алатырские христововеры поддерживали тесную связь со своими единоверцами в других областях Среднего Поволжья. Сектантские общины имелись в г. Ульяновске, Куйбышеве, Саранске, Ардатове и селах Алово, Чиндяново Мордовской АССР, в селах Кикино и Чиргуши Большемаресьевского района Горьковской области.

В середине 1950-х гг. произошло некоторое оживление активности христововеровских общин, связанное с возвращением их лидеров из мест заключения. В 1970–80 гг. их активность стала минимальной, что было обусловлено естественной убылью сектантов, большой сложностью миссионерской деятельности, специфичностью культа христововеров.

Третья глава «Мистические секты в контексте православной культуры» посвящена изучению соотношения культуры мистических сект и православной монашеской культуры.

Как показывает анализ социального положения сектантов, во многих случаях последователи мистических сект оказывались выпавшими из сельскохозяйственного цикла. С другой стороны, религиозная жизнь сектантов была более интенсивной, чем у основной крестьянской массы, мирские занятия и интересы полностью подчинялись религиозной доминанте. Другими словами, религиозность мистических сект оказывается на периферии крестьянской религиозности, становится маргинальной по отношению к крестьянской религиозной культуре. Поэтому в религии мистических сект отсутствуют важнейшие элементы «народного православия», присущие традиционной крестьянской культуре: практически отсутствуют обряды, призванные

¹ Клибанов, А.И. Религиозное сектантство и современность. – С. 62.

обеспечить урожай (освящение полей и т.д.), мало востребованы охранительные компоненты церковности (освящение дома, обряд соборования и т.д.), слабо развита традиция поминовения умерших. Более того, сектантство нередко декларировало отрицательное отношение к таким элементам коммуникации крестьянского социума, как деревенские праздники с выпивкой, хороводы, посиделки, к которым официальная религия относилась достаточно терпимо. Маргинальность делала сектантов более открытыми к восприятию элементов культуры из других социальных сред, в частности, к получению образования и использованию техники при ведении хозяйства.

Выяснение социальных корней религиозности мистических сект имеет большое значение для решения исследовательских задач. Маргинальность мистических сект по отношению к крестьянству не позволяет эффективно исследовать сектантскую религиозную культуру в контексте «народного православия», т.е. совокупности религиозных представлений и практик, характерных для крестьянской среды. Религиозная обусловленность сектантской жизни ставит исследователя перед необходимостью рассмотреть религиозность сектантов в связи с религиозностью «профессионалов» православной религии, прежде всего монашества.

Главный обряд сектантов – радение – является развитием экстатических практик, известных в монашеской среде как «умное делание». Появление ритуального танца определяется суггестивной целью всего сектантского ритуала. С одной стороны, круговая пляска способствовала достижению экстаза, с другой – экстаз приводил к непроизвольным двигательным реакциям. Измененные состояния сознания были источником и части хлыстовских духовных стихов, содержание которых могло восприниматься только в экстатическом состоянии.

Почитание священных изображений является важнейшим элементом религиозной практики православных. Догматически иконопочитание вводится постановлением VII Вселенского собора 787 г. Однако нельзя сказать, что русское иконопочитание находилось на твердой почве догматических определений II Вселенского собора. Еще в XV в. на Руси распространяются аллегорические иконописные изображения. Другой тенденцией является то, что сама икона в народном благочестии подчас утрачивает характер символа, указывающего на божественное, а принимает черты реальной иерофании, через которую само божественное входит в мир. Очевидно, особенности народного иконопочитания не могли не отразиться в мистических сектах, составлявших с народным благочестием единый религиозный фонд. Как показывают архивные материалы, отношение сектантов-мистиков в первой половине XIX в. к свяственным изображениям аналогично православному иконопочитанию. Особенностью сектантского культа является почитание сектантами портретов своих лидеров. Характерным примером пересечения сектантской и монашеской религиозных традиций служит известная мистическая картина «Распятие плоти», одинаково популярная как у сектантов, так и у монахов. Под влиянием протестантских движений в среде сектантов-мистиков постепенно стали проявляться иконоборческие тенденции, однако, это было характерно не для

всех сектантских общин, некоторые группы продолжали придерживаться традиции почитания священных изображений, идущей от православия.

Отрицательное отношение к браку и деторождению было отличительной чертой хлыстовщины на протяжении всей ее истории. С другой стороны, хлыстов часто обвиняли, что во время радений они практикуют обряд так называемой «христовой любви», во время которого, якобы по внушению свыше, происходят беспорядочные половые связи. Интимная жизнь на Руси (особенно в допетровское время) рассматривалась как грех по преимуществу. Христианство допускает секс в браке, да и сам брак лишь как способ избежать блуда, являющегося еще худшим злом. Аккреативная направленность христианства многократно усиливается в монашестве, как своеобразном продолжении «культуры пустыни». Традиционное прокреативное содержание восточнославянской культуры было вытеснено на периферию общественного сознания, в сферу быта. Таким образом, сакральное у русских имеется в двух вариантах: «высокое» – связанное с Церковью и имеющее аккреативный статус, и «низкое» – связанное с сакрализацией воспроизводства и осуществления жизни. Отразилось это и на поведенческих установках. Человек должен был постоянно соотносить свое поведение со статусом того пространства, где он оказывался. Если наверху социальной лестницы такое соотнесение не вызывало затруднений, то в среде, связанной с традиционной культурой, подчас возникало смешение, приводящее к недолжному проникновению сексуальности в церковную сферу. Т.Б. Щепанская, исследуя культуру дороги, пришла к выводу, что в дороге «сексуальность перестает быть репродуктивной, т.е., несмотря на отмену ограничений и, казалось бы, ее бурный расцвет, можно говорить о свертывании репродуктивной деятельности. Наряду с сексуальной свободой в дороге проявляет себя и другая тенденция: ограничение и блокирование сексуальности посредством многочисленных правил избегания, сексуальных и репродуктивных табу»¹. Точно так же и в хлыстовской среде, которая является своеобразным развитием монашеской культуры, минимизация сексуальности подчас перерастала в ненормативную сексуальность, которая носила аккреативный характер. Такое двойственное отношение хлыстов к вопросам пола постоянно отмечается источниками.

Особенно актуальной для мистических сект, последователи которых отказывались от брачных отношений, была проблема воспроизводства веры. Практиковавшееся сектантами усыновление сирот не всегда приводило к нужным результатам. Своеобразный выход из положения нашли хлысты, которые ради конспирации называли себя духовными христианами и молоканами. Эти сектанты совершили настоящую гендерную революцию в хлыстовщине, что позволило секте сохраниться практически до наших дней. Суть этой революции состояла в том, что эти сектанты, при отрицательном отношении к церковному браку, который они называли «блудом, сатанинскими кандалами», стали практиковать свободное сожителство мужчин и женщин,

¹ Щепанская, Т.Б. Культура дороги. - <http://www.poezha.ru/doroga-1.html>

нечто наподобие гражданского брака, которое они именовали «духовным обедом». Постепенно стали образовываться достаточно устойчивые семейные пары. После Манифеста о веротерпимости 1905 г., когда молоканские общины получили возможность самостоятельно вести акты гражданского состояния, в том числе заключать признаваемые государством браки, христововеры стали официально регистрировать свои отношения у молоканских пресвитеров. Таким образом появились целые сектантские династии. Более того, изменилось отношение к свободным связям между мужчинами и женщинами, в XX в. супружеская неверность стала осуждаться. Попытки некоторых хлыстовских лидеров вернуться к сожителю с «духовными сестрами» вызвали конфликт и полемику между различными сектантскими общинами. Гендерная революция у средневожских хлыстов самым непосредственным образом отразилась на экономической и социальной жизни сектантов. Появление многодетных семейств (на 16 учтенных нами сектантских семей в 1900–1940-х гг. приходилось в среднем по 3 ребенка) стимулировало активную хозяйственную деятельность. Сами хлысты отмечают, что «сектантов бедных было вообще мало». Активное предпринимательство содействовало социализации христововеров, способствовало стремлению к образованию, получению престижных и высокооплачиваемых профессий. С одной стороны, социализация в условиях атеистического государства приводила к секуляризации в среде сектантов, а с другой – после коллективизации, когда активное предпринимательство стало невозможно, помогла секте сохраниться.

Дореволюционные исследователи отмечали сектантский характер некоторых келейнических общин, получивших в Среднем Поволжье название беседничества. По нашему мнению, беседничество и старчество, как и хлыстовщину, следует рассматривать в контексте развития народного мистицизма. Эти движения не были изолированными, влияли друг на друга. В конечном счете, беседничество и старчество в некоторых областях при общей деградации церковности в 1920-х–40-х гг. приобрело ряд черт, приведших к появлению феномена «истинно-православных христиан» (ИПХ), имеющего сектантские черты. В то же время старчество и беседничество нередко ассимилировали историческую хлыстовщину, как это произошло в приходе с. Козловки Курмышского уезда Симбирской губернии. При сходстве обоих религиозных движений община сектантов-«богомолов» не выдержала конкуренции с вызывавшей более интенсивные религиозные переживания проповедью лидера беседников Фрола Иванова, к тому же не осуждавшегося официальной церковью.

В заключении подведены итоги исследования и обобщены основные его результаты.

За несколько веков изучения русских мистических сект выдвигались различные теории их происхождения. Как показывают современные исследования, хлыстовщина органически вписывается в контекст русской православной культуры прицерковного круга.

Религиозность мистических сект составляет единый религиозный фонд с православной монашеской культурой. Это особенно заметно при сравнении

мистического сектантства и мистически настроенных сообществ, принадлежащих к православной церкви, известных в Среднем Поволжье как беседничество. Сектантство развивало потенции, заложенные в самой православной религии. Множество культурных связей сохраняется между мистическими сектами и православием в XVIII – XX вв.

Процессы, происходившие в мистических сектах, во многом аналогичны процессам, происходящим в современных православных общинах, особенно связанных со старчеством, и имеют тенденцию к воспроизводству. Многочисленные группы истинно-православных христиан, возникшие после революции, во многом повторяли путь хлыстовских общин. Можно предположить, что при антиинтеллектуальных тенденциях современной церковной среды такие явления будут повторяться.

В приложении приведены списки сектантов, динамика развития производства на фабрике купцов Милютинских, родословие купцов Милютинских, фотографии сектантов алатырской общины в 1940-е гг., образцы сектантского фольклора, сектантских икон, переписка алатырских христововеров.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. *Берман, А.Г.* Беседничество и старчество в Среднем Поволжье / А.Г. Берман // Регионология. – 2006. – № 3. – С. 171-179 (0,5 п.л.)
2. *Берман, А.Г.* Мистические секты в Среднем Поволжье в XVIII – XX вв. / А.Г. Берман. – Чебоксары: Изд-во Межнац. гуманитарно-технического ин-та Поволжья, 2004. – 66 с. (3,86 п.л.).
3. *Берман, А.Г.* Исихазм и проблема происхождения раннего русского сектантства / А.Г. Берман // Человек верующий в культуре Древней Руси: мат-лы междунар. науч. конф. 5-6 декабря 2005 г. / отв. ред. Т.В. Чумакова. – СПб.: Лема, 2005. – С. 174-178 (0,35 п.л.).
4. *Берман, А.Г.* Секта христововеров в Алатыре в послеоктябрьский период / А.Г. Берман // Цивилизация народов Поволжья. Проблемы истории и геополитики / сб. науч. статей по матер. междунар. науч. конф. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. пед.ун-та, 2006. – Т. II. – Ч. III. – С. 39-49 (0,54 п.л.).
5. *Берман, А.Г.* «Милютина вера» в Алатырском уезде Симбирской губернии / А.Г. Берман // Вестник Чуваш. ГПУ. История и право. – № 4 (23). – 2001. – С. 245-247 (0,09 п.л.).
6. *Берман, А.Г.* Козловские пророки. Из истории престонародного мистицизма в Среднем Поволжье / А.Г. Берман // Науч.-информ. вестник докторантов, аспирантов, студентов Чуваш. ГПУ. – 2003. – № 2. – С. 107-112 (0,5 п.л.).
7. *Берман, А.Г.* Секс и русская культура прицерковного круга (религиоведческий этюд) / А.Г. Берман // Ученые записки Межнационального гуманитарно-технического института Поволжья: мат-лы науч.-практ. конф. «Религиозный фактор в Восточной Европе: история и современный контекст». – Чебоксары, 2004. – Т. 6. – С. 31-35 (0,37 п.л.).

8. Берман, А.Г. Секта «людей божьих» в Алатырском уезде в первой половине XIX в. / А.Г. Берман // Исследования по истории и культуре Чувашии и чувашского народа. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ГИГН, 2004. – Вып. III. – С. 76-98 (0,91 п.л.).
9. Берман, А.Г. Проблемы генезиса русского мистического сектантства / А.Г. Берман // Ученые записки Межнационального гуманитарно-технического института Поволжья. – Чебоксары, 2004. – Т. 7. – С. 45-49 (0,4 п.л.).
10. Берман, А.Г. Алатырская ересь. Из истории скопчества в Среднем Поволжье / А.Г. Берман // Сны Богородицы: исследования по антропологии религии. – СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2005. – С. 86-101 (0,86 п.л.).
11. Берман, А.Г. Экономическая деятельность сектантов-скопцов в Чувашии / А.Г. Берман // Науч.-информ. вестник докторантов, аспирантов, студентов Чуваш. ГПУ. – 2006. – № 1 (7). – Т. 1. – С. 127-131. (Соавтор Ефимов Л.А., автор. текст 0,125 п.л.).

Всего по теме диссертации опубликовано 11 работ общим объемом 8,5 п.л.

Бумага офсетная. Формат 60х84 1/16. Гарнитура Таймс.
Печать способом ризографии. Усл. печ. л. 1,16. Уч.- изд. л. 1,5.
Тираж 100 экз. Заказ № 263.

Отпечатано с оригинала-макета заказчика
в ООО «Референт»
430000, г. Саранск, пр. Ленина, 21.
тел. (8342) 48-25-33

